

В ГОД ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЯ Великого Октября Узбекский академический театр драмы имени Хамзы показал свое искусство трудящимся Татарии и Башкирии. Этот творческий отчет театра — ролевика Советского государства — живой пример одного из величайших достижений Великой Октябрьской социалистической революции — расцвета духовной культуры народов нашей страны.

Репертуарная афиша театра всегда была разнообразной. Имена Шекспира и Шиллера, Тревеля и Погодина стояли рядом с зачинателями и соавторами узбекской драматургии К. Яшена, А. Улугуна, Н. Сафарова, З. Фатхуллина, А. Каххара.

Именно так и сформировал театр свой гастрольный репертуар. Восемь названий спектаклей — четыре пьесы современных узбекских драматургов, трагедия У. Шекспира «Король Лир», пьеса современного японского драматурга М. Каору «Жизнь женщины», «В почт луного затмения» Мустая Карима и «Сильнее смерти» — Э. Роблеса — увидели уфимцы.

Но как бы ни был разнообразен репертуар национального театра, его основой должна составлять национальная драматургия. От ее состояния во многом зависит перспектива развития и роста коллектива. Поэтому и разговор об итогах гастролей хочется начать с пьес узбекских драматургов.

Свое выступление театр начал пьесой А. Каххара «Мои милые матушки». Милой матушкой назвал драматург центральный персонаж своей пьесы Бустан, несмотря на то, что не хлебом-солью, а резкой неприязнью встретила она невесту сына Умиду. Много неприязней приносит Бустан молсдям, но характер этой А. Каххар решает в комедийном ключе. Потому что, как бы ни восвала Бустан, ей, хрипятильнице старого, не удержат наступательного движения жизни, и все ее попытки сделать это нажутся смешными и лживыми.

Много ярко, остроумного материала дал драматург этому персонажу. И артистка Т. Султанова создает сочной комедийный образ. Режиссер Т. Ходжаев строит действие комедии в стремительном ритме смеющихся мизансцен. Каримджан (арт. П. Саидхасимов) и его невеста Умида (арт. И. Алиева) еще только подходят к калитке дома, а голос матушки, распевающей председателя колхоза, словно гром, обрушивается на них.

А вот встречает Бустан невесту, стоя на колених: как сидела она на корточках за какичи-то работой, так и встала на колени от неожиданности, когда во дворе появилась не она вырванная невеста сына.

Но несмотря на то, что в все это весело и заразительно реагирует зрительный зал, действие комедии скоро оказывается исчерпанным и финал спектакля предопределен. Досадным кажется то, что остальные персонажи комедии не получают развития. И сколько бы ни было обаяния, искренней непосредственности у Умиды в исполнении арт. И. Алиевой, все же характер этот, не проявляющийся в драматургическом конфликте, оказывается статичным, выделенным лишь внешней характерностью. Это же относится к образам Каримджана (арт. П. Саидхасимов), председателя колхоза Джамала (арт. Т. Талжиев) и Шакарбиби, несмотря на яркое комедийное исполнение арт. И. Болтаевой.

К сожалению, безличность персонажей является серьезным недостатком в драмы А. Улугуна «Мотылек». Творчество А. Улугуна свойственны публицистичность, четкое авторское отношение к волнующей теме. И понятно его изложение в адрес тех, кто с легкостью мотылька подходит к решению больших жизненных вопросов. Но, являясь пьесой драмой, А. Улугун все же не погнался в ней до глубоких обобщений, как того требует жанр, а ограничился изложением несложного сюжета. Купорное знакомство Назокат с Уткуром обрывается для нее неудачно. Уткур, называвшийся поэтом и усамым, оказывается человеком без определенных занятий, не раз привлекавшимся к судебной ответственности. Естественно, в конце он разоблачен, а Назокат понимает свое легкомыслие.

Изложением этой несложной фабулы по существу и исчерпывается содержание пьесы. Поэтому спектакль (режиссер Ш. Каюмов) не имеет интриги, расстановка сил

в нем углубляется с первого акта. Персонажи же — прокурор Адолат (арт. Т. Султанова), Мурад (арт. Я. Ахмедов), да и сами герои — Назокат (арт. И. Алиева), Уткур (арт. А. Юсупов) — выглядят схематичными.

В драме «Убийца» А. Улугуна более глубоко разрабатывает волнующую его тему. Острые своего пера он направляет против существующих в жизни черствости, эгоизма, себялюбия. Убийцей называется драматург врач Гойба Сатыболдиевич. С публицистиче-

первые начинает он видеть мир новыми, трезвыми глазами. К сожалению, в режиссерском решении Н. Ладыгина социальный фон трагедии остался приглушенным, а значит, во многом утеряна ее философская основа.

В спектакле «Украденная жизнь» и великодушном актерском дуэте выступают С. Ишантурова и Я. Абдуллаев, как бы символизировав вращающуюся вращающуюся старшего поколения театра имени Хамзы — младшему. Спектакль этот — большая творческая удача коллектива. Вместе с художником Т. Визелем режиссер Т. Ходжаев показывает зрителю глубокую социальную драму. Да, это не просто жизнь женщины, как называет пьесу автор. Это украденная жизнь. Это у нее, у Кей (арт. Я. Абдуллаева), этой угловатой, беспомощной и шифей девочки, оставленной в доме Сидзу (арт. С. Ишантурова), за тепло и пищу украли жизнь, украли право на любовь, на простоту человеческого счастья.

На сцене на кругу возникает легкий вальсик, представляющий дом Сидзу с его многочисленными комнатами. Он, этот круг, придет в движение, когда режиссеру надо будет показать, как, несмотря на на какие усилия, Сидзу терпит пресмычков. И Синтаро, старший сын, наследник фирмы, занятый живописью и наукой, решает не интересуются коммерцией. Сидзу делает последнюю попытку и решает Синтаро с поручением в банк Казалос, Синтаро (арт. З. Мухамеджанов) покороно соглашается. Но Сидзу не спокойна. Медленно выходит она из комнаты. Поворачивается круг, и зритель видит, как, словно тень, она переходит в другую вслед за Синтаро. Ее требовательный застывший взгляд, обрешенный вслед сыну, преследует его, как бы выталкивает из дома, пока, наконец, оба они не оказываются в маленьком дворике. И только, когда захлопнулась калитка, обессиленная от напряжения Сидзу садится в кресло.

В следующий раз это движение круга использует режиссер, чтобы показать Кей, когда она узнает о том, что не за Эйдзи, младшего сына Сидзу, которого она полюбила, а за Синтаро предстоит ей выйти замуж. Это то кульминационное событие, которое смало жизнь Кей. И режиссер заостряет на нем внимание. Слово лгавшаяся в клетку птица мечется Кей (арт. Я. Абдуллаева), переходя из комнаты в комнату, пока, наконец, не находится в одной из них пиджак Эйдзи, прижавшись к нему, летит, просящая со своей мечтой.

Удивительно проживает Я. Абдуллаева на сцене жизнь Кей. Именно проживает, другое слово здесь трудно подобрать. От тоненькой, беззащитной девочки, через гордую и властную хозяйку дома, до старой, глубоко несчастной женщины проходит Кей-Абдуллаева перед зрителем. Она физически меняется по ходу действия. И только в ее умном пыльном взгляде, умения глубоко скрывать чувства можно угадать одного и того же человека.

Я. Абдуллаева умеет молчать на сцене так, что зритель без труда чувствует чувства, переживающие ее. Фасуло в исполнении И. Алиевой, Фумико — Л. Вязовой, Эйдзи — Т. Азизова, Синтаро — З. Мухамеджанова составляют прекрасный ансамбль спектакля.

Особый интерес общественности и зритель вызвал спектакль «В ночь луного затмения», поставленный в театре имени Хамзы режиссером Башкирского академического театра драмы Ш. Муртазини и оформленным башкирским художником М. Арслановым. Пьеса Мустая Карима получила широкое признание. С большим успехом идет она на сцене русских и национальных театров нашей страны. Коллектив узбекского театра проявил тонкое понимание природы пьесы, ее социально-философского смысла. Н. Рахимов в образе Дервиша, Б. Саидхасимов — Дилана, З. Садриева — Таякбика, Д. Хасанова — Шафар открыли новые грани характеров в сложном переплетении их взаимоотношений.

Коллектив театра Хамзы в этом спектакле рассказал узбекскому зрителю о жизни близкого ему башкирского народа. В этом заключается основной смысл взаимообогащения культур наших народов, с успехом осуществляющийся в последние времена. Творческие контакты узбекского и башкирского народов должны развиваться и дальше.

Д. БАНТЕРЯКОВА,

К итогам гастролей Узбекского театра имени Хамзы

ИСКУССТВО БРАТСКОГО НАРОДА

ской страстностью обрушивается он на те черты, которые несет в себе этот образ. Эпизод, когда врач Гойби отказывается посмотреть большого ребенка, кажется неправдоподобным.

В резком обличении характера драматург сгущает краски. И, вступая с ним в творческий конфликт, режиссер Т. Ходжаев в спектакле беспощадно к Гойбу. Слово зловавшая тень мечется в лице профессора Гойбу, когда ставящийся известным, что он виноват в смерти профессора Мукаддаса. Несмотря на то, что действие заставит Гойбу дежурить врачом в помещении скорой помощи, режиссер снимает с него белый халат, символически делая его недостойным ношения высокого гунтающего звания врача.

Смело и броско играет Гойба артист М. Юсупов, резко переключающая своего героя из сферы общественной жизни в домашнюю обстановку. Где его эгоизм, себялюбие предельно выявляются во взаимоотношениях с женой Раво (арт. И. Алиева).

Театр бережно отнесся к проведению драматурга, прочитав его как психологическую драму. Исполнение ролей положительных героев — профессора Сахибова и его жены Мукаддас — поручено ведущим мастерам театра народным артистам СССР С. Ишантуровой и А. Ходжаеву. И это оправдало себя.

Театр имени Хамзы называет творческой лабораторией узбекской драматургии. Это название коллектив заслужил по праву. Однако показанные спектакли заставляют задуматься над тем, в каком ли направлении представляется жизнь и последние пьесы узбекских драматургов, не прамитивными ли выглядят в них наши современники?

Талантливой труппе театра под стать решение крупных масштабных спектаклей. Образ короля Лира, созданный А. Ходжаевым, — достойный вклад в историю советского театра. Его Лир вопиющий, сражающийся. В первой половине спектакля — это ослепленный верой в силу своей личности правитель. Он вступает в сравнение с появлением первого престяствия, когда Корделия, младшая дочь короля, позволила не склонить голову перед его величием. Лир-Ходжаев принимает решение о лишении ее наследства с легкостью самолюбивого властителя. Так он выигрывает первое сравнение.

Препятствия последующие оказываются более серьезными. Во взаимоотношениях с Гонерильей и Реганой лишенный власти Лир оказывается в положении зависимого. Буря разных чувств: возмущения, гнева, оскорбленного самолюбия поднимается в его душе. С гордо поднятой головой, высокий, властный выходит Лир-Ходжаев на сцену навстречу разбушевавшейся стихии. И эта буря побеждает его гордыню. Жалким, старым, беспомощным становится Лир-Ходжаев в сцене сумасшествия, ехидно